

ПСИХОЛОГИЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ И ССУЗОВ

Г. С. Абрамова

Психология

только для студентов

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ И ССУЗОВ

ПРОФИЦИЕНТ
ПРОМЕТЕЙ

Галина Сергеевна Абрамова
Психология только
для студентов
Серия «Психология. Учебное
пособие для вузов и ссузов»

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24122533
Галина Сергеевна Абрамова Психология только для студентов:
Прометей;
ISBN 978-5-906879-66-0

Аннотация

Главную задачу автор видит в том, чтобы показать читателям существование научного обобщенного знания о людях, которое можно, а часто и нужно, использовать для понимания жизненных задач и возможностей их решения.

В книге использованы результаты тестовых исследований, факты психологического консультирования, дневниковые записи и данные наблюдений, материалы бытового и профессионального общения автора с различными категориями людей.

Пособие предназначено для студентов вузов, изучающих курсы «Психология развития и возрастная психология», «Психология личности», «Социальная психология» и для

студентов ссузов по дисциплинам «Психология», «Возрастная психология и педагогика», «Семьеведение», «Основы педагогики и психологии», «Психология общения». Книга может быть интересна и для всех молодых людей, интересующихся психологией как наукой.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Галина Сергеевна
Абрамова**
**Психология только
для студентов**
*Учебное пособие
для вузов и ссузов*

© Г. С. Абрамова, 2018

© Издательство «Прометей», 2018

* * *

*С любовью и надеждой
посвящаю моей внучке Абрамовой Ане.*

*...Но времена я выбираю – как поступки,
Зависящие лично от меня.
Ю. Мориц*

Предисловие

написано для тех, кто проявит интерес к этому тексту

Суть предисловия – пояснить задачи автора и дать возможность читателю решить для себя вопрос о целесообразности чтения книги в целом.

Мысль о необходимости написания такой книги возникла при работе со студентами много лет назад, когда я только начинала преподавать психологию.

Ситуацию экзамена, в которой мною были осознаны и сформулированы задачи как задание мне самой на всю мою профессиональную жизнь, я помню до последней детали. Это был нарядный летний день, когда все в природе и в людях наполнено той силой жизни, которая не ощущается до тех пор, пока не будет потеряна.

Передо мной в аудитории, наполненной этим летним, неповторимым светом, сидела девушка – красивая, как этот день. Неестественными и чуждыми и ей самой, и всему дню были слова, которые она пыталась произносить, характеризуя мышление человека, как это предполагал экзаменационный билет. Я ничего не сказала ей – не успела этого сделать. Она посмотрела мне в глаза и взмолилась (именно взмолилась):

– Не спрашивайте меня ничего о том, что я понимаю... Я здесь ничего не понимаю. Когда я начинала читать психологию, я думала, что это и обо мне, а тут ничего нет... Я все определения знаю. Спросите, я выучила.

Девушка училась заочно, значит, практически самостоятельно. Наша встреча с ней была первой и последней. Я не была ее преподавателем, я была для нее только экзаменатором (такое бывает в практике высшей школы). Но! Именно благодаря этой встрече смыслом всей моей преподавательской работы стало сообщение людям знания о них самих. Как у меня это получалось и получается, судят они сами. У читателя будет возможность это сделать, если он прочтет текст.

Главную мою задачу я сформулирую так: показать студентам существование обобщенного знания о людях и о них самих, наметить пути и способы использования этого знания в организации ими собственной жизни.

Помня слова девушки во время того, теперь уже очень далекого экзамена, я хотела бы, чтобы каждый читатель нашел в тексте то, что было бы о нем. Ценность и необходимость информации каждый понимает по-своему.

Однако есть то, что заставляет прикладывать силы, тратить время и писать этот текст. Сегодня – это тот жизненный и профессиональный опыт, который разделяет людей на поколения и обостряет чувство заботы о будущем, вашем, мои читатели, и моего сына, как людей другого – нового поколе-

ния. Нас – мое поколение – уже будут называть иначе...

В мире много вечного – есть даже вечные проблемы.

В мире много преходящего – это жизнь каждого из нас. О ней и будем говорить языком науки, которая называется психологией.

Я написала текст только для студентов, чтобы

– наука не была для них набором правил и определений, а стала тем живым текстом, который порождает другие тексты, т. е. вызывает отношение;

– молодые люди не считали отчужденным от их жизни то научное знание, которым владеет психология;

– знание о себе и о других людях наполнило их жизнь новыми красками и оттенками чувств, которые взрослые люди называют еще жизненным богатством, помогающим решать сложнейшие жизненные задачи.

Чего не хотелось бы для моих читателей? Скуки, пустоты, иллюзий силы и опустошающего бессилия при неудаче.

Чего хотелось бы? Жизненного интереса, той неутолимой жажды жизни, которая способна преобразить и душу, и тело человека...

Жизненный интерес, как думается, не задается человеку другими людьми, а создается самим человеком, когда он...

Вот об этом, «когда он...» и пойдет речь в тексте, который перед вами. В нем использованы дневниковые записи молодых людей, с которыми мне приходилось встречаться во время профессиональной работы. Публикуются они с согласия

их авторов.

В тексте использованы также данные тестовых исследований, материалы психологического консультирования, наблюдения за молодыми людьми в ситуациях обучения психологии, материалы бытового и профессионального общения с разными людьми, размышления о судьбе молодого поколения и о своей собственной в наше время, в нашей стране, в странах, которые сегодня называют постсоветским пространством и в Дании – стране, где я живу сегодня...

Хотела бы поблагодарить всех людей, чьи откровенные разговоры и доверие к психологическому знанию сделали возможным существование этой работы. Особую благодарность выражаю студентам Брестского государственного университета (Беларусь), тем из них, кто хотел и умел задавать вопросы, и тем из них, кто не умел этого делать, но стремился научиться.

Бесконечная благодарность моей семье – моим родителям за их жизнелюбие и доброту к людям, умение ценить каждое мгновение жизни. Спасибо сыну за его участие в моей жизни и мужу Børge Hansen за любовь и понимание.

Апрель – июнь 2000 – март 2017

Беларусь – Дания

Глава 1

Что такое психология?

– Есть такие вопросы, на которые нельзя ответить?

– Есть.

– Тогда я тебе сейчас такой задам...

(Из разговора ребенка с мамой.)

Ключевые понятия: предмет психологии, методология, методы исследования, методики, понятие теории.

В результате изучения данной главы студенты должны:
знать отличие бытового и научного психологического знания;

уметь различать методы и методики;

владеть техникой чтения научных текстов.

Можно сказать, что психология – это наука, которая изучает закономерности внутреннего мира человека, т. е. психическую реальность.

В историческом времени наука существует в виде текстов. Каждый текст – это способ изложения содержания научных понятий, позволяющих объяснить факты и явления как собственной жизни учёных, так и жизни других людей.

Психология как наука может существовать и как учеб-

ная дисциплина. Особенность любой учебной дисциплины в том, что она должна и может воспроизвести способы мышления об определённом предмете. Это значит, что человек, её преподающий, определил свою позицию по отношению к тому предмету и может осуществить рефлексивные действия.

Какие это действия? Их можно описать в виде вопросов к самому себе: «Что я делаю? Как я делаю? Почему я делаю именно так?» Эти вопросы я задала и самой себе, выбирая материал для этой книги. Ответом на них и стал текст, который вы читаете. Продолжу его.

Современная психология как наука существует как в виде научных текстов, так и в виде непосредственного профессионального общения людей, работающих в науке, в виде научных институциональных учреждений (институтов, лабораторий, центров и т. п.) и представляет собой систему знаний о психической реальности как особом предмете исследования.

Психология как наука позволяет выделить, зафиксировать и исследовать специфические качества своего предмета, их отличие от качеств других предметов. При этом фиксируются не только предмет исследования, но и средства и способы, которыми осуществляется воздействие на него с целью получения информации как об отдельных качествах, так и обо всем предмете в целом.

Вся информация (о качествах психической реальности, о средствах и способах воздействия на нее с целью изучения этих качеств) существует в виде научных понятий.

Научные понятия – это форма обобщения той информации, которую человек получил, воздействуя на предмет науки с целью выделения его качеств.

В психологии, как и в любой другой науке, существуют специальные термины, которые отражают процесс обобщения свойств именно психической реальности, а не какой-либо другой. Отсюда необходимость создания специальных научных словарей.

По преобладанию того или иного типа научной терминологии, можно определить является ли текст научно-психологическим, художественным или, например, медицинским.

В приведенной ниже цитате можно встретить психологические и не психологические термины: «Состояние Я Взрослого имеет дело с объективной реальностью. Взрослый не зависит от возраста, но на него влияют образование и жизненный опыт личности. Когда активизируется состояние Взрослого, человек может собирать и перерабатывать информацию, предсказывать возможные последствия различных действий и принимать сознательные решения. Но даже когда решение принято Взрослым, оно не обязательно будет точным, если ему не хватает информации. Однако использование Взрослого может помочь сократить число поступков, в которых он раскаивается, и увеличить вероятность успеха» (9, с. 277).

Думаю, что вы сами в состоянии выделить в этом тексте термины, а мне остается только пояснить их необходимость

в любой науке.

Термин позволяет зафиксировать особый способ познания предмета – научный, т. е. осознанный человеком как поиск существенных закономерностей в интересующем его предмете. Человек, занимаясь наукой, все время держит в поле своего внимания вопрос о том, что же является главным, закономерным в существовании предмета, который он пытается понять, предсказать на основе этого понимания жизнь предмета и построить свое отношение к нему.

Эту работу по удержанию в поле внимания всего предмета изучения позволяет осуществить **методология** (попытайтесь не пропустить это слово).

Методология – это правила, которые надо соблюдать, чтобы предмет познания не потерялся, чтобы он был целостным для самого исследователя и тот мог представить его другим людям. С этой целью и создается методология, т. е. правила, которые соблюдаются всеми, кто имеет отношение к одному и тому же предмету.

Что это за правила? Когда-то юный Рене Декарт сформулировал их как правила для руководства ума. По сути они остались такими же и сегодня – правила для руководства ума человека, который занимается наукой, т. е. стремится познать истину, получить информацию, позволяющую ориентироваться в свойствах целостного предмета, каким может быть и реально является психическая реальность. (Считается, что эта работа была написана примерно в 1619 г.) (8).

К числу методологических правил относятся следующие (я не буду описывать их все, так как эту информацию можно найти в любом учебнике психологии, а приведу только некоторые, используя текст Рене Декарта):

«Правило 3. В предметах нашего исследования надлежит отыскивать не то, что о них думают другие или что мы предполагаем о них сами, но то, что мы ясно и очевидно можем усмотреть или надежно дедуктировать, ибо знание не может быть достигнуто иначе...

Правило 4. Метод необходим для отыскания истины...

...Правило 6. Для того чтобы отделять наиболее простые вещи от трудных и придерживаться при этом порядка, необходимо во всяком ряде вещей, в котором мы непосредственно выводим какие-либо истины из других истин, следить, какие из них являются самыми простыми и как отстоят от них другие: дальше, ближе или одинаково...

Правило 7. Для того чтобы сделать ум проницательным, необходимо упражнять его в исследовании вещей, уже найденных другими, и методически изучать все, даже самые незначительные искусства, но в особенности те, которые объясняют и предполагают порядок...

...Правило 12. Наконец, нужно использовать все вспомогательные средства интеллекта, воображения, чувств и памяти как для отчетливой интуиции простых положений и для верного сравнения искомого с известным, чтобы таким путем открыть его, так еще и для того, чтобы находить те по-

ложения, которые должны быть сравниваемы между собой; словом, не нужно пренебрегать ни одним из средств, находящихся в распоряжении человека...»

Следование методологическим правилам (они могут быть и другими, не обязательно рациональными, обоснование и выбор их являются делом самого исследователя) позволяет определить предмет науки как предмет познания.

В психологии есть множество точек зрения на этот счет, но для построения данного текста как изложения научной дисциплины мною была выбрана соответствующая позиция, которая позволяет зафиксировать в качестве предмета науки психологии изучение свойств психического как особой реальности.

Для этого надо увидеть и зафиксировать ее существование, выявить специфические свойства и исследовать их закономерности, позволяющие предвидеть появление других свойств и изменение психической реальности как особого целостного предмета.

Как это сделать?

Ответ на этот вопрос связан с проблемой методов исследования, которые являются неотъемлемым свойством науки.

В психологии, как и в любой другой науке, есть методы наблюдения и эксперимента, каждый из которых имеет свои разновидности, определяемые спецификой качеств психической реальности, на которые воздействуют с их помощью.

Существенное, можно сказать, принципиальное отличие

метода наблюдения от метода эксперимента состоит в том, что эксперимент предполагает организованное и контролируемое воздействие на исследуемое качество психической реальности, тогда как наблюдение это категорически запрещает и ориентирует исследователя на пассивное присутствие в жизни изучаемого свойства психической реальности.

Итак, методы отличаются мерой воздействия на изучаемые качества психической реальности, тогда как методология обеспечивает обоснование воздействия, выбор качеств психической реальности, на которые будет оказываться воздействие (или такового не будет при осуществлении наблюдения).

Воздействие осуществляется с помощью методики, которую можно понимать как инструмент для воздействия с определенной целью.

Как и любой инструмент, методика психологического исследования снабжается инструкцией: где, как, когда и почему она может быть применима.

Результаты научных исследований, полученные с помощью разных методов и методик, оформляются научными терминами в виде понятий.

Понятия – это формы обобщения тех закономерностей, которые были выявлены исследователями. Например, понятие защитных механизмов личности, понятие Я, понятие понятия, понятие мышления и т. п. как научные понятия по своему содержанию являются обобщением и способом полу-

чения обобщения, которые были реализованы в науке в момент создания этих понятий.

Понятия всегда существуют в системе, т. е. объединяются, так как они могут освещать одни и те же качества психической реальности, но обобщенные по разным признакам. Например, неуверенность человека может быть описана в понятии самооценки или в понятии тревожности, в понятии типа темперамента или в понятии защитных механизмов личности.

Возможность использовать то или иное понятие как форму представления о качестве психической реальности определяется уровнем владения человеком содержанием того обобщения, которое есть в этом понятии.

Если вы не понимаете, что такое тревожность, то лучше не использовать это понятие, о неуверенности человека можно мыслить и другими понятиями.

Понятия как форма мышления, как система обобщенного знания дают возможность существовать теориям – способам построения целостного представления о строении и закономерностях психической реальности, которые позволяют удерживать ее как целостный предмет и определять ее место среди других предметов. Теории имеют своей целью объяснение, интерпретацию закономерностей существования целостного предмета. Они всегда существуют как идеи, как идеальный объект, который можно использовать для обоснования воздействия на целостный предмет или его свойства.

В психологических текстах это можно встретить всегда как прямое указание на ту или иную теорию, которая используется автором текста для обоснования своего воздействия.

Так, например, существует транзакционный анализ – это одно из направлений современного психоанализа, который, в свою очередь, тоже является только одной из теорий современной психологии. Психоанализ предполагает разделение целостной психической реальности на ее составляющие и исследование каждой из них и их взаимосвязи как проявление закономерностей в целостном предмете. Принцип же выделения единиц анализа может быть разным, что и порождает разные варианты психоанализа. Транзакционный анализ был создан на основе классического. Те, кого это серьезно интересует, могут обратиться к работам Э. Берна и З. Фрейда.

Психология как научная дисциплина выстраивается как система понятий, отражающая, по мнению преподавателя этой дисциплины, целостность предмета науки.

Обратите внимание на слова «по мнению преподавателя». Это и есть тот рефлекслируемый, т. е. осознанный, понимаемый, контролируемый самим преподавателем и любым наблюдателем, способ построения целостного предмета – психической реальности. Реализуется этот способ в выборе системы понятий, в преобладании этих понятий, в их организации в пространстве и времени тех текстов, которые будут строиться преподавателем в ходе изложения дисциплины.

Смысл изложения научной дисциплины – психологии, по моему мнению, состоит в том, чтобы объяснить психические явления своей жизни и жизни тех людей, которым преподаётся дисциплина.

Без объяснения с помощью преподаваемой дисциплины своей собственной психической жизни нет смысла заниматься этим в отношении жизни других людей. Преподавать то, чему сам не доверяешь, что сам не можешь использовать по назначению, по крайней мере, нечестно, хотя думаю, что с моим мнением можно и поспорить.

Возникает и другой вопрос: какие явления психической жизни других людей, тех, которым будет преподаваться научная дисциплина, требуют объяснения.

Не складывается ли при этом ситуация, когда под бременем информации о себе человек не сможет ею воспользоваться, или наоборот, лихо взявшись за дело при дефиците информации навредит и себе, и другим...

Как определить целесообразность научной дисциплины?

Это вопрос и к себе, и к вам, мои читатели. Он мог бы быть предельно простым:

Каких знаний о себе и других людях вам не хватает?

Я его задавала много раз в студенческих аудиториях в разные годы своей преподавательской деятельности.

Ответы на этот вопрос и определили мой выбор содержания этого текста, его конкретные главы.

По сути дела все изложенное дальше отражает мою аксио-

логическую позицию как преподавателя.

Это – авторский текст, в котором есть и моя система жизненных и научных ценностей, и моё понимание студенчества – потенциальных читателей этого текста.

Глава 2

Почему психология может быть чьей-то

*Я – мамин, папин и еще... мапин.
(Из рассуждений трехлетнего малыша)*

Ключевые понятия: отрасли психологии, виды знаний о человеке, понятие науки, понятие позиции автора текста. В результате изучения данной главы студенты должны: **знать** о существовании разных позиций авторов текстов; **уметь** определить позицию автора научного текста; **владеть** рефлексией и трансцендентальной позицией.

Современные работы по психологии дают возможность обсуждать вопрос, вынесенный в название этой главы.

Любому человеку, даже беглым взглядом окинувшему прилавок книжного магазина, можно увидеть, что психологий – множество.

На обложках книг по психологии можно прочесть: «Психология лжи», «Психология менеджера», «Психология рекламы», «Психология воспитания подростков», «Психология ранней юности», «Геронтопсихология», «Психология мошенничества» и т. п.

Дело не только в необходимости найти броское название, которое привлекло бы читателя, но и в том, что сама психология как сфера человеческого знания не представляет собой единой научной дисциплины.

Сегодня можно говорить о существовании множества психологий (их еще называют отраслями) в русле единой науки.

Если следовать той логике, которая формально выражается в возможности создания множества психологий, то вполне очевидна и закономерна возможность создания отрасли психологии, которую можно было бы назвать собственным именем, например, психология Саши или психология Алены (фамилию и имя можно поставить любые).

Возможно ли, необходимо ли это, кто, как и когда это решает? Попробуем в этом разобраться, проанализировав жизнь научного знания, науки, психологии как одной из наук.

Двадцатый век и сегодняшний день двадцать первого века всей своей историей показывают, что роль человека – одного человека – может быть очень велика в жизни миллионов людей.

Существование обществ, где все подчинено воле одного человека, где все решения относительно жизни любого человека принимаются без его непосредственного участия, где от воли и усилий человека минимально зависит качество его жизни, доказывают существование механизмов воздействия

на него, которые делают его управляемым, т. е. предсказуемым, прогнозируемым другим человеком с большой точностью.

Самое удивительное, на мой взгляд, состоит в том, что возникновение таких обществ было предсказано задолго до их появления многими психологами и философами – людьми, которые получали научное знание о человеке.

Они остались не услышанными своими современниками. Сегодня мы можем только поражаться точности научного прогноза В. Райха, К. Юнга, Ортега-и-Гассета, А. Маслоу, В. Бехтерева, В. Соловьева, Д. Андреева и многих других.

Можем поражаться точности прогноза, и еще и еще раз задаваться вопросом о том, что такое научное знание о человеке, кто, как и почему его получает и использует.

Естественно, возникает вопрос и об отношении этого знания к нашей собственной жизни, о его применимости в ней, о его необходимости.

Можно найти аналогию, например, с научным знанием об астрономии. Мы все знаем, что вечером на небе можно найти звезды, что лучше это делать в безоблачную ночь. Однако нас совершенно может не интересовать формула вычисления орбиты движения планеты, которой мы только что любовались. Не зная этой формулы, мы не чувствуем себя обделенными красотой звездного неба, это не мешает нам радоваться и восхищаться его вечностью. Формула – это научное знание, а красота... Красота – это наше впечатление. Можно

сказать: «Я чувствую красоту», «Я вижу красоту». Видение это может быть разнообразным, что отличает его от постоянства формулы. Видение, идущее от «Я», позволяет человеку смотреть так, как увидел девушку, например, Ю. Олеша, выразив свое впечатление от встречи с ней: «Она прошумела мимо как ветка, полная цветов и листьев».

В этом образе нет того, что было бы научным знанием, нет той узнаваемости и точности, воспроизводимости и завершенности, которые позволили бы любому человеку узнать эту ветку среди множества других.

Тем не менее, эта девушка-ветка – существует (существовала) не только в воображении писателя. Читателю остается только предполагать, какой она была на самом деле, какой она была в действительности, если хотите, то какой она была настоящей, реальной...

Вот в этих вопросах мы и встретились с существованием того факта, что может быть несколько видов знания о человеке. Одни из них, как я уже сказала, можно считать настоящими, другие – это личные, индивидуальные знания, даже, можно сказать, воображаемые, придуманные.

Какие из них могут влиять на жизнь человека?

Приведу только один пример, чтобы читатель сам принял решение о возможности влияния разного знания на индивидуальную жизнь человека.

Скажем, знание о том, что нация, к которой вы принадлежите, – избранная, лучшая, может влиять на вашу жизнь?

Может, да еще как. Если надо убить представителя другой нации, вы сделаете это без особых раздумий, ведь вы служите своей великой нации.

Всю жизнь человека может изменить его знание о том, что любимый человек не разделяет его чувства. Трагедия неразделенной любви – одно из самых тяжелых испытаний на знание о другом человеке, на ваше знание о другом человеке...

Истинное ли оно, правда ли это, как можно проверить, надо ли проверять, если так тяжело это знание, которое выражается предельно просто словами: «Я его люблю, а он меня не любит».

Все это – знание о людях, знание о человеке, которое может влиять (влияет) на жизнь, если хотите, на судьбу человека и народов.

Где начинается научное знание? Для человека, который живет ежедневной, будничной жизнью (его еще называют обывателем), встреча с наукой, с научным знанием происходит в форме научных текстов или в форме продуктов, созданных с помощью научного знания.

Из текстов, если они будут прочитаны и поняты, человек получает новые способы мышления о предмете науки. Пользуясь продуктами, созданными на основе научного знания, например, медицинскими препаратами, машинами, строительными материалами, бытовой химией и т. п., человек получает новые возможности для действия.

Когда человек получает знание о другом человеке, о лю-

дых, о себе как о человеке, он может приобрести и новое качество мышления о людях, и новые возможности взаимодействия с людьми и с собой как с человеком.

Это оптимистическая позиция, в которой отражается, задается априори, необходимость научного знания, как и вообще знания. На деле все обстоит несколько иначе.

Достаточно, думаю, вспомнить далеко не оптимистическое отношение к знанию, выраженное в пословице «Много будешь знать, скоро состаришься». Хотя для полноты картины можно привести и противоположное мнение, выраженное уже другой пословицей: «Красна птица перьем, а человек – ученьем».

У читателей есть возможность самим определить свое мнение по поводу излагаемой позиции.

Вместе с тем очень хотелось бы, чтобы он не остался равнодушным к самой проблеме – месту научного психологического знания в картине мира современного человека.

Попытаюсь ответить на вопрос, что такое наука, представив вам разные точки зрения, одна из которых может быть выражена словами А. Маслоу (18) в отношении того, что «... наш внешний мир зачастую изоморфен нашему внутреннему миру, что „внешние“ проблемы, которые мы пытаемся решить „научным путем“, зачастую являются также нашими внутренними проблемами и что наше решение этих проблем является, в принципе, самотерапией в широком смысле этого слова».

Думаю, что надо напомнить и себе, и читателям, что самотерапия – это помощь самому себе, когда у человека что-то болит, что-то не так.

Самотерапия начинается с переживания боли, ощущения неудобства, дискомфорта, от которого хочется избавиться своими силами, чтобы приобрести чувство спокойствия, уверенности, комфорта, и, как следствие, поверить в свои возможности избавления себя от боли.

Можно сказать, что и наука – это один из путей, который позволяет человеку заниматься самотерапией, гордиться своим разумом и верить в свои возможности познания.

Я считаю, что сегодня важным является вопрос об актуальности научного знания, так как мы являемся свидетелями не только торжества науки, но и ее поражения.

Достаточно в этом смысле сопоставить такие факты, которые в историческом времени практически слиты в одно мгновение: катастрофа на Чернобыльской АЭС, удачные эксперименты по клонированию, победа компьютера над чемпионом мира по шахматам.

Эти результаты известны всем, последствия можно только предсказывать.

Ученые, которые всегда были странными, теперь воспринимаются и как опасные люди. Падение престижа науки в целом отмечается всеми, кто следит за ее жизнью. Это фон сегодняшнего дня, на котором хотелось бы попытаться ответить на вопрос, что такое наука, а значит, и что такое психо-

логия как наука.

Я попытаюсь рассмотреть этот вопрос с разных точек зрения, предоставив читателю возможность сформулировать и свою собственную.

Итак, начнем с точки зрения того человека, которого я выше назвала обывателем. Это будет первая точка зрения, думаю, что ее можно назвать массовой.

Обыватель представляет науку как нечто очень далекое от его жизни, трудно доступное (достаточно взглянуть на иной научный текст, в котором можно просто не узнать родного языка из-за обилия специальной терминологии), имеющее одновременно смысл важности и случайности в его собственной жизни.

Обыватель использует научное знание в виде идей, трансформируемых средствами массовой информации, в виде предметов быта.

Реже он сам становится объектом научного исследования. Использование данных науки в виде предметов для обывателя всегда связано с известной долей риска (достаточно вспомнить о существовании радиоактивного заражения), часто очень большой. Новые лекарства и продукты питания, увеличивающиеся скорости транспорта, новые виды энергии, изменение темпа и ритма жизни человека – все это конкретные результаты науки, которые вносят в жизнь человека неопределенность, являются факторами риска и источниками стресса.

Наука своим существованием с этой точки зрения добавляет в жизнь вместе с новыми возможностями и новые опасности.

Тогда что такое наука? Если стремиться к комфортной и безопасной жизни, то это – источник неопределенности, а значит, страха. Если стремиться к жизни, наполненной поиском и преодолением, то наука – это источник новых жизненных путей. Тогда она интересна, хотя и небезопасна, к ней надо относиться осмотрительно.

Это, кстати, и делается через законодательное регулирование направлений научных исследований и областей их применения.

С этих позиций может быть оценено и психологическое научное знание. В нем может быть усмотрена опасность как знания, чрезмерно обнажающего внутренний мир человека, или намеренно снижена его ценность как безличного, всеобщего знания, не имеющего конкретного применения и воплощения. В суждении (осуждении) типа: «это все психология» может звучать и завуалированный страх перед сложностью, и неприкрытое опасение быть разоблаченным публично. Психология как наука тогда воспринимается в качестве занятия, которое должно приносить пользу (больше всего именно тому человеку, который высказывает о ней свое обывательски оценочное суждение).

Вторая точка зрения на науку и научное знание потенциально и реально принадлежит потребителям научного зна-

ния.

Люди становятся таковыми в силу их профессиональной деятельности или при реализации идей, связанных с их хобби.

С их точки зрения наука является занятием полезным, а научное знание – ценным, если это измеримо: стало лучше (быстрее), качественнее, надежнее и т. п.

Пользователь научного знания подходит к нему с критериями времени. Ведь любое изменение как совершенствование (чего угодно) можно оценить только по отношению к уже существующему, т. е. сопоставить прошлое и настоящее свойство. При этом настоящее как новое должно быть оценено как более совершенное.

Другими словами, пользователь научного знания ждет от него прогресса и потенциально предполагает, что прогресс неизбежен. Доверие пользователя научного знания к нему основано на идее прогресса, на вере в прогресс, в конечном счете – на возможности оценивать современное как прогрессивное, лучшее, совершенное по отношению к прошлому, которое еще может быть и не исчезло совсем, а присутствует в виде материальных предметов культуры или просто в лице пожилых людей.

Психологическое знание, психология как наука с этой точки зрения воспринимаются как путь поиска и находок ключей к человеческому счастью.

Именно этого ждут от научного знания. Если ожидание

не оправдываются, то рождаются сомнения в его ценности и целесообразности.

Такая позиция вызывает у людей раздражение, когда вместо рецепта счастья они находят в психологической информации предложение думать, а не делать, понимать, а не оценивать, слушать, а не воздействовать...

Третья точка зрения на науку и научное знание принадлежит тем людям, которые должны (в силу разных причин) осваивать знание, наработанное в той или иной науке, а само знание и наука воспринимаются ими с позиции понимания. Наука становится объектом понимания. Я бы усилила это содержание, выразив мысль так: *для себя пониманием*.

Наука предстает перед понимающим ее человеком часто в виде очень сложных текстов (о чем я уже упоминала выше). Человеку, поставившему цель понимания, усвоения, присвоения, предстоит работа с этими текстами. Наука, пусть на время, превращается в книгу, в текст, во множество текстов, которые обладают своими неповторимыми свойствами. Какими?

Остановлюсь лишь на тех из них, которые, по моему мнению, существенно влияют на понимание, можно сказать, определяют его. В работах М. К. Мамардашвили есть важные с этой точки зрения слова: «...вся загадка нашей сознательной жизни состоит в том, что мы тексты читаем текстами и только текстами можем прочесть» (17; 399).

Любое человеческое произведение есть реальность непре-

рывно складывающаяся или непрерывно порождающаяся, но именно непрерывная.

В этом смысле текст есть акт, который все время длится.

О нем нельзя сказать, что он завершен, закончен и приобретен нами. Об этом качестве текста М. К. Мамардашвили написано много и подробно.

Думаю, что для понимания текста науки важно еще одно его свойство – свойство, которое есть у любого человеческого произведения.

О нем я также скажу словами М. К. Мамардашвили: «...в действительности автором произведения вовсе не является тот человек, которого мы наблюдаем со стороны в качестве биографического субъекта, – автором произведения является искомое „Я“, которое само становится впервые посредством этого произведения» (17; 463).

В этом смысле и у автора текста, и у его читателя есть равные возможности найти в этом тексте свое «Я» как то искомое, которое и является итогом понимания для себя – понимания науки.

Важнейшие особенности текста науки: непрерывная реальность; «Я», становящееся в процессе работы над текстом. Они и создают проблемы понимания текста науки.

Проблема индивидуального понимания текста приобретает педагогические, социальные, психологические, методические и другие оттенки. Без ее анализа довольно сложно оценить роль, смысл, цель научных текстов, необходимых (по-

чему и для кого?) для изучения в тот или иной отрезок времени, связанный с организацией обучения наукам (науке).

Другими словами, что читать и как читать, чтобы понять науку, – это не только вопрос сохранения личного времени и сил. Это еще и вопрос о преемственности знания, возможности трансляции его в системе индивидуального мышления людей.

Это и вопрос о ценности знания, если хотите, истинности, воплощенности его в действия людей, в нашем случае – в действие понимания.

Понять – это значит пополниться силой, талантом, чувствами, опытом другого человека, создавшего текст, человека, который создавал себя в своем собственном труде и усилии по созданию текста. М. К. Мамардашвили пишет: «... если в вас есть что-то уникальное, которое мне нужно, я могу к нему прийти и им обогатиться только в пространстве вашего собственного роста – в пространстве, в котором вы сами не знаете, кто вы» (17, с. 475).

Встреча с научным текстом человека, стремящегося его понять, рождает особую тему – тему впечатления.

Эта тема объединяет акты жизни и чтения книг.

Впечатление – это такое восприятие (текста в том числе), когда человек с неизбежностью сам себе задает вопрос о собственном самоопределении, о самом себе, о своем месте в жизни, о том, что происходит на самом деле, что он сам чувствует и испытывает. Иными словами, впечатление входит в

акт понимания, так как любой акт понимания строится как акт понимания другого – другого в себе. Человек встречается с многообразием (бесконечностью) форм своего «Я», которые найдут свое воплощение в переживании впечатления как в обретении своего нового качества.

Это означает, что нельзя просто взять и встать на место самого себя. Понять себя нужно так, как понимают другого.

Одним из признаков понимания является невербальное самоприсутствие, которое не может быть дано никаким описанием. Оно есть полное личное присутствие в момент понимания.

Его еще можно рассматривать как поглощенность текстом, описывать как полное сосредоточение на тексте, слияние с автором текста и т. п.

Упрощая ситуацию понимания научного текста, можно сказать, что она возможна, если налицо полное личное присутствие читающего текст.

Оно предполагает такое пространство общения (с текстом в том числе), где, говоря словами М. К. Мамардашвили, «снят образ самотождественности и человек превратился в лаву возможностей, которая может принять любую форму... То есть предшествующим шагом к пониманию всегда является магматическое или лавоподобное растворение своего собственного эмпирического „Я“, которое всегда ригидно, всегда полно перегородок, барьеров и т. д.» (17, с. 495).

В этом смысле понимание является жизнью, т. е. тем

индивидуальным нечто, которое способное устойчиво себя воспроизводить, при этом наращиваясь так, что само оно никогда не совпадает со своей окончательной формой, всегда являясь потенцией многих новых состояний.

Дорогие читатели! Прошу остановиться на мгновение и вернуться к тому, что вы только что прочитали.

Вернуться для того, чтобы попробовать еще раз восстановить тот образ жизни, который возможен в процессе понимания. Понимание – это своего рода гарантия бесконечности жизни, возможность ее самотрансформации в любую форму при сохранении своей уникальности и целостности.

Так и хочется сказать, что это гарантия вечности психической жизни, если она осуществляется как жизнь, т. е. в ней есть впечатление как основа понимания, в ней есть полнота самоприсутствия человека в каждом моменте его жизни.

Осуществляющееся понимание при полном личном присутствии человека и создает это важнейшее переживание – переживание потенциальных новых состояний, мыслей и других качеств индивидуальности.

Можно было бы утверждать, что с точки зрения человека, который воспринимает науку в виде текстов, она является одним из возможных источников жизни его индивидуальности за счет того, что через текст есть возможность преодоления ограничений эмпирического «Я» человека.

Другими словами, чтение научных текстов – это путь встречи человека с бесконечностью того процесса, который

называют поиском истины.

Она, как известно, не бывает окончательной и не может принадлежать чьему-то эмпирическому, т. е. бытовому, ежедневному «Я», какие бы спекуляции на этот счет не принимало это эмпирическое «Я» как воплощение индивидуальной научной мысли.

Освоить научный текст – не значит выучить, запомнить. Это значит понять и в понимании получить важнейшее переживание еще неосуществившейся, несделанной, потенциальной жизни – своей собственной жизни.

В конечном итоге, студент или другой человек, изучающий науку в виде текстов, находит в этих текстах самого себя потенциального, если он обладает в момент чтения личным присутствием, т. е. не отчужден от самого себя, от своего «Я», идентифицирован с самим собой, переживает свою динамичность, потенциальность как пробивающуюся жизнь.

В психологии как в системе текстов человек, читающий их, понимает то, к чему он готов в силу своего личностного присутствия в процессе чтения.

Иными словами, он понимает то, что может понять, что готов понять и принять как свою потенциальность, как свою возможность быть другим – понявшим, т. е. изменившимся, выявившим свои иные качества, которые были ему неизвестны до момента понимания текста.

Четвертая позиция в понимании науки связана с точкой зрения людей, которые ее преподают. Это могут быть учите-

ля и преподаватели, которые излагают научную дисциплину. Такому человеку надо точно знать, что он преподает – науку, научную дисциплину, учебный предмет или что-то другое, а может быть, все сразу.

Сложность в понимании этой позиции состоит в том, что он кажется на первый взгляд избыточным. Разве не очевидно, что преподаватель излагает научную дисциплину, а его слушатели... Оказывается, что не очевидно, если попытаться классифицировать и определять научные дисциплины, устанавливать между ними связь и проводить различие. Как пишет Ст. Тулмин, «легко признать факт разделения интеллектуальной жизни и деятельности людей на отдельные дисциплины. Но гораздо труднее объяснить, в каких терминах следует понимать это подразделение. Как, например, нужно классифицировать и определять такие дисциплины? Вербальные определения здесь вряд ли помогут... Очевидно, профессиональные ученые и юристы имеют эффективные практические средства для того, чтобы решить, что именно относится к соответствующим дисциплинам, и для того, чтобы понимать их непрерывное существование во времени» (32, с. 452).

Прошу читателей обратить внимание в этой цитате на слова об имеющихся «эффективных практических средствах», которые будут важны нам для анализа проблем научной дисциплины как учебного предмета.

Зададимся вопросом: когда интеллектуальная деятель-

ность приобретает характер научной дисциплины, по каким показателям это можно определить? Мне близка позиция Ст. Тулмина, поэтому со ссылкой на его работу, которая уже упоминалась, отвечу на вопрос следующим образом: самым существенным показателем является последовательность теорий или «генеалогия проблем».

Именно она позволяет охарактеризовать развитие науки. В этой генеалогии более поздние модели и понятия обязаны своему происхождению и законному существованию только потому, что они решили проблемы, для которых были недостаточны старые модели и понятия.

Развитие предмета исследования научной дисциплины управляется этой основополагающей генеалогией проблем. Она далеко не безлична и возникает, как известно, только благодаря историческим связям (и установкам) ученых-профессионалов с миром природы, который они изучают.

Проблемы обнаруживают свое существование там, где представления о мире противоречат либо природе, либо другому представлению, т. е. там, где современные идеи не достигают современных же интеллектуальных идеалов. Прошу обратить внимание читателей на факт существования таких.

Интеллектуальные идеалы – это цели объяснения в науке. Ученые выделяют и стремятся понять интеллектуальные недостатки существующих представлений о мире, осознают разрыв между собственной способностью объяснять мир и

целями собственного же объяснения, которые ориентируются на модели полного понимания, естественно, недостижимые в каждый момент познания. Как говорит Ст. Тулмин, научные проблемы – это идеальные объяснения плюс современные возможности.

Таким образом, научная дисциплина начинается с создания интеллектуального идеала, в свете которого определяются цели объяснения, анализируются специфические теории и понятия. Последние выдвигаются в надежде осуществить эти идеалы. Обобщается практический опыт, который можно объяснить в свете этого идеала.

Научная дисциплина всегда включает в себя как ее понятия, так и людей, которые их создали, как ее предмет, так и те общие интеллектуальные цели, которые объединяют работающих в этой области людей.

Опыт, накопленный людьми в отдельной области, приводит к тому, что они принимают определенные идеалы объяснения, которые обуславливают коллективные цели. Эти же идеалы сохраняют связность самой дисциплины, ограничивая гипотезы и критерии отбора фактов и суждений.

Преимственность проблем дисциплины основывается на развитии ее собственных интеллектуальных идеалов и целей; они меняются значительно медленнее, чем понятия и теории, которые являются ее проходящими результатами.

Интеллектуальные идеалы, характерные для научной дисциплины, связывают в ней в относительно цельное образо-

вание методы объяснения, понятия, теоретические проблемы и их эмпирические применения. История науки предполагает аналитическое уточнение интеллектуальных моделей и нарастающее осознание их эмпирической среды.

Другими словами, люди, работающие в науке, стремятся понимать суть своей работы, выделять в ней то, что создано ими самими как результат их интеллектуальных усилий и сопоставлять его с теми реалиями жизни, которые еще называют практикой или эмпирией, эмпирической средой.

Основу современных суждений об изменении концепции науки составляет представление о том, что никакой единственный идеал объяснения или рационального оправдания не является универсальным и независимым от времени.

Уточнение и выяснение идеалов и целей науки делает возможным появление новых интеллектуальных методов, процедур и структур. Эта деятельность обязательно должна учитываться при анализе применения понятий в коллективных интеллектуальных дисциплинах.

Человеку, преподающему научную дисциплину, необходимо соответствовать в своей деятельности тому идеалу объяснения, который существует в научной дисциплине. При этом он становится носителем этого идеала как для самого себя, так и для тех, кому он преподает научную дисциплину.

Хочется поделиться опытом переживания этой ситуации, когда, выступая в роли преподавателя, чувствуешь тот груз ответственности за свои слова и действия, которые должны

соответствовать (профессия требует!) идеалу науки, содержание которой и есть преподаваемая тобой научная дисциплина.

Публичность владения идеалом через освоение процедуры объяснения будет проявляться в том, что человек понимает, как и когда следует их применять, а таким образом он понимает и ограниченность этих процедур.

Процедуры и методы научной дисциплины составляют ее коллективный и образовательный аспекты. Именно они определяют тот набор понятий, который представляет собой коллективную трансляцию науки. Каждое единичное понятие науки не содержит в себе ее всю как научную дисциплину.

Даже набор понятий в лучшем случае представляет собой приоритеты науки в каком-то историческом отрезке времени. Всегда есть возможность проследить, как изменяются способы, какие научные понятия входят в более широкую модель объяснительной деятельности людей.

Для человека, неотчужденно преподающего научную дисциплину, наука представляется основанием для его собственного мышления и действия.

Однако это основание не является застывшей системой аксиом, которая не может быть подвержена критике и изменению. Напротив, использование научных понятий как осмысленных связано с появлением новых осознанных проблем и возможностью ввести новые процедуры, позволяю-

щие решить эти проблемы. Только в этом случае понятия приобретают смысл и служат человеческим целям в реальных практических ситуациях.

Применение понятий связано с постепенным уточнением или усложнением их значения, и ценность процедур, которые стоят за ними, соединена с возможностью критики и изменения их.

Думаю, что все вышеизложенное дает основания утверждать, что наука является актом действия реализующего, проявляющего жизнь данного человека.

Об отчужденном преподавании научной дисциплины скажу буквально несколько слов. Как любая форма не-жизни такая форма активности ничего не порождает, а только воспроизводит пустые формы понятий и их системы, которые разрушают саму возможность появления и научных проблем, и необходимость идеальных объяснений, и необходимость осознания современных возможностей как исторической преемственности идеалов объяснений.

Разрушают потому, что это свойство любых пустых форм: они сами не обладают потенциалом и, воспроизводясь, останавливают возможность качественного изменения, сводя все к повторению. Однако с точки зрения человека, отчужденно воспроизводящего научную дисциплину, наука может восприниматься как свод законов, правил, фактов, процедур, которые не подлежат обсуждению.

В этом смысле науке приписывается незыблемый автори-

тет, оспаривать который заранее нельзя, так как в этом нет смысла. При этом «авторитет» создается теми же пустыми формами типа «в науке принято», «каждая наука должна», «если это наука, то она...», «научное доказательство предполагает» и т. п. (Это один из способов манипулирования сознанием, который, кстати, широко применяют средства массовой информации).

Генеалогия проблем, создающая непрерывность науки и цельность научной дисциплины, исчезает при отчужденном преподавании научной дисциплины, так как понятиям науки в этом случае нет необходимости подтверждать свою собственную ценность, свое место в системе науки – оно уже задано и определено заранее.

Существует и *пятая* точка зрения, пятая позиция в понимании того, что такое наука. Это точка зрения человека, который в ней работает. С этой точки зрения наука предстанет как... Многообразие здесь необходимо, так как в науке работает много разных людей, которых Б. Рассел (26) называл людьми науки и учеными. Современная наука – это вид профессиональной деятельности, где в каждой научной дисциплине существуют свои специальности.

Наука институционально организована. В ней существует дисциплинарный, организационный аспект, который способствует сохранению интеллектуально организованного продукта. Как во всякой институциональной организации, в науке есть фиксированные социальные роли.

Самым важным, по-моему, для понимания вопроса о том, что такое наука для людей, работающих в ней, является уяснение того, что каждый человек отражает интеллектуальные коллективные интересы и стремления людей, которые трудятся в одной с ним научной дисциплине.

Необходимо обсуждать вопрос о том, есть ли вообще эти коллективные интересы и стремления или они замещены другими мотивами и переживаниями.

С этой точки зрения проблемы межличностных отношений в науке приобретают особый характер, что связано с законами существования любой группы.

Это прежде всего воплощается в структурировании группы – определении ее подгрупп, лидера (лидеров) и ведомых, установлении внутригрупповых правил и норм. Возникает и постоянно существует вопрос о предмете групповой деятельности, о целях и их соподчинении; о власти; о персоналиях – вопрос о том, кто может говорить и действовать от лица, от имени той или иной научной специальности или от лица науки в целом. При этом, что естественно с точки зрения законов существования группы, институциональный авторитет или власть и реальные авторитет и уважение могут быть воплощены в разных людях науки.

Институциональная иерархия должностей и возможностей проявления власти в науке существенным образом могут влиять на индивидуальные судьбы людей науки в том случае, если они не вписываются в существующую (или ме-

няющуюся) иерархию институциональных структур. Например, решение о закрытии и открытии темы, финансировании, кадровой поддержке разработчика идей и т. п. могут существенно повлиять как на индивидуальную научную биографию ученого, так и на судьбу целой научной специальности (может ведь случиться так, что один человек и представляет новую научную специальность).

Думаю, что с точки зрения людей науки последняя выглядит весьма противоречиво, поэтому попробую описать несколько типов противоречий, ориентируясь на наличие в науке достаточно жестких институциональных структур и творческого характера ее как интеллектуального вида деятельности.

Первый тип: неизбежное противоречие в интерпретации институционального предмета науки и индивидуального предмета научной деятельности человека, входящего в научное сообщество.

Второй тип: противоречие в институциональном словаре науки и в индивидуальном научном словаре каждого человека науки.

Третий тип: противоречия между институциональной картиной мира, транслируемой и создаваемой наукой, и индивидуальной картиной мира каждого человека науки.

Четвертый тип: противоречия между отношением идей, транслируемых и создаваемых в науке, и верованиями людей, работающих в ней.

Пятый тип: противоречия между эмпирическими фактами индивидуальной жизни человека науки и законами, существующими в науке.

Естественно, я перечислила не все виды противоречий, которые могут существовать в науке. Однако уже само их наличие позволяет утверждать, что с точки зрения человека науки она может предстать в виде чрезвычайно сложного и чрезвычайно противоречивого образования, явно не обладающего самодостаточной ценностью, нуждающегося в подтверждении своего существования, за счет как структурирования через институциональные системы, так и внутриколлективного объединения людей.

Практически у любого человека науки есть выбор: какими способами преодолеть противоречия, существующие в науке, чтобы жить в ней, не разрушая ее и не разрушаясь самому. Этот вопрос относится к сфере социальной адаптации человека, его возможности жить и работать среди людей, соответствуя их нормам и правилам. Варианты его решения немногочисленны:

1. Быть как все, а это значит, потерять «Я».
2. Быть похожим на всех, оставаясь при этом собой.
3. Переделать (переделывать) всех, чтобы они были похожи на «Я».
4. Найти компромисс – быть со всеми, оставаясь собой.

Как все логические варианты, вышеизложенные также позволяют построить простую классификацию типов восприятия науки ее людьми как вариантов переживания ответственности за ее предмет. Это те переживания, которые отражают и процесс, и результат социализации человека науки. Вот они:

1. Я как все (я не отвечаю ни за что и ни за кого).
2. Я похож на всех, но это не значит, что я не понимаю относительности правил игры в науке (я не отвечаю, я только соответствую правилам).
3. Я отвечаю за себя, я всегда прав, альтернатив моему мнению нет (наука – это «Я»).
4. Я отвечаю за то, что я делаю в этих условиях (принятие и определение меры личной ответственности).

Мне думается, что в зависимости от меры ответственности за науку, которую принимает на себя человек науки, можно говорить о том, как он ее воспринимает.

Варианты здесь многообразны, они отражают и степень тех усилий, которые человек затрачивает или готов затратить на осуществление своей деятельности как научной или деятельности в науке.

Отдельно хотелось бы сказать о тех людях, которых Б. Рассел называл, в отличие от людей науки, учеными.

Они отличаются от людей науки тем, что для них наука не

специальность, а сущность жизни.

Предмет науки задан для них не институциональными установками и определениями, а поиском истины. Их наличие в науке – это доказательство того, что институциональное продвижение человека науки и его профессиональное развитие как представителя интеллектуальных видов деятельности могут не совпадать, в жизни это часто просто параллельные явления.

Ученым человек становится тогда, когда служение истине для него отражает то содержание познания, о котором писал С. Л. Франк: «Познавать – во всех областях познания – значит связывать имманентный чувственный материал познания-переживания, в лице ощущений и образов, со сверхвременным всеединством или усматривать в этом материале следы системы всеединства. Всякое познание есть суждение или подведение „данного“ под систему понятий; понятия же (мыслимые содержания) суть определенности, т. е. вневременные единства многообразия в абсолютном всеединстве. „Познать“ что-либо, значит, найти его место в этом всеединстве, усмотреть его в составе вечного всеобъемлющего единства бытия. Поэтому процесс есть процесс приобщения сознания к сверхвременному всеединству» (33, с. 560–561).

Естественно, что осуществление этого процесса связано с трансцендентальными переживаниями ученого, и для него наука, ее существование воплощаются именно в личном содержании его трансцендентальных переживаний.

Думаю, есть смысл напомнить читателю о том, что трансцендентальные переживания человека связаны с ориентацией на первопричины всех явлений, на осознание высшего смысла в любом проявлении жизни.

Они предполагают возможность человека осмысливать в целом не только свою частную жизнь, но и жизнь как космическое универсальное явление и личностно переживать это осмысление. Психология с этой точки зрения – это биографии людей науки, биографии ученых, создававших и создающих психологию, ищущих истину, за которую часто надо платить высокую цену – цену собственной жизни.

Науку можно понимать еще с одной точки зрения – это уже будет *шестая* в ряду возможных позиций, которые хотелось предложить читателю. Речь пойдет о позиции людей, изучающих научное творчество, т. е. это будет наука, рефлекслирующая на источник своего существования (к сожалению, далеко не единственный).

Как она себя видит? Об этом можно прочесть в работах по психологическим проблемам современного научного творчества (23). В них предпринята попытка описать, какие люди и как создают в науке новые идеи. Это оказывается достаточно сложно сделать, так как самые большие трудности возникают в решении вопроса о предмете научного творчества.

Думаю, с достаточным основанием можно утверждать, что сегодня проблема эта не менее неопределенна, чем в на-

чале века, когда ее пытались обсуждать впервые. Науковедение все еще находится в стадии зарождения, поэтому, ориентируясь на цели этой главы, есть смысл сказать о том, что самопознание оказалось трудным для современной науки.

Знаменитый образ сороконожки, которая, в задумчивости не могла больше двинуться с места, здесь был бы более, чем уместен... Но это только мое мнение по поводу возможностей позиции понимания науки через изучение процессов научного творчества.

Выяснить, как, когда и почему в голове ученого появилась идея, которая может в буквальном смысле перевернуть и его собственную картину мира и картину мира других людей – вопрос непростой.

Кроме психологии научного творчества существует в науке еще одна позиция, которую хотелось бы выделить особо. Это – философия современной науки. Изложение этой – *седьмой* по счету – позиции дано в следующем тексте: наука с точки зрения современной философии науки представляет собой деятельность, имеющую цель, как писал К. Поппер, «найти удовлетворительное объяснение всего того, что заявлено о себе как нуждающееся в объяснении» (31, с. 99).

Научная деятельность выглядит очень похожей на рациональную деятельность, но в тоже время не является полностью таковой. Когда мы пытаемся объяснить нечто и делаем объяснение своей целью, мы принимаем совокупность положений как существующих и не требующих объяснения, толь-

ко одно среди положений будет требовать объяснения, тогда как остальные и будут этим объяснением. Нужно осуществить ряд рациональных логических действий, чтобы прийти к объяснению.

Эти действия связаны прежде всего с установлением истинности объясняющих положений, они должны быть независимо проверяемыми.

Объясняемое должно иметь разнообразные проверяемые следствия, которые не сводятся к повторению объясняющих положений. Объяснение должно использовать универсальные законы природы, которые могут быть проверяемы независимо от места и времени. Именно таким образом будет повышаться успешность объяснения, что приведет к теориям все большей содержательности и все большей научной точности. Это полностью выполняется в истории науки и практике теоретических наук.

К. Поппер писал, что «глубина научной теории определяется ее простотой и таким образом богатством ее содержания (иначе дело обстоит с глубиной математической теоремы, где содержание может быть принято равным нулю). Мы смотрим на глубину теории, ее когерентность и даже ее эстетическую привлекательность с точки зрения метода, т. е. практикуем эти качества как всего-навсего руководства или стимулы нашей интуиции – нашего воображения» (31, с. 105–106).

Если рассматривать науку с близкой мне позиции в совре-

менной философии науки, то она будет представлять собой стимул нашей интуиции и нашего воображения, т. е. тех характеристик психической жизни человека, которые составляют основу построения всех моделей желаемого будущего.

Естественно, что возможность построения этих моделей и возможность их реализации основываются на множестве других факторов, которые не только принадлежат индивидуальной психической жизни человека, но и составляют основу модели будущего.

Множество других идей относительно целей и смысла существования науки, которые существуют в современной философии науки (31), дают основания считать, что проблема консенсуса и согласия в науке является непреходяще актуальной. Л. Лаудан (31) сравнивал, например, дебаты в общественных и гуманитарных науках с пандемиями.

В то же время широкое согласие с какими-то теориями, консенсус по отношению к ним создают ситуацию быстрого ухода определенной теории.

Предмет консенсуса или согласия в науке постепенно меняется. Это очень важно знать и понимать, особенно тем, кто собирается посвятить свою жизнь научной деятельности. При этом, как известно, в науке существуют разные уровни разногласия и разрешения разногласий, которые способствуют и созданию, и разрушению консенсуса на какое-то время. По данным Л. Лаудана (31, с. 313), между уровнями разногласия и уровнями решения существуют следующие соотно-

шения:

Уровни разногласия — Уровни решения	
фактуальный	— методологический
методологический	— аксиологический
аксиологический	— отсутствует

Механизм формирования решения на уровне аксиологических разногласий отсутствует. Мне хотелось бы обратить на это внимание читателей и напомнить о тех ситуациях, когда вместо этого слова в историю науки вписаны совсем другие слова: казнить, запретить, уничтожить... А в биографии ученых – строчки признания их труда после смерти. Поэтому есть еще один ответ на вопрос, что такое наука, который можно дать с аксиологической точки зрения.

Он будет *восьмым* в нашем ряду, и я его сформулирую так: наука – это открытое для наблюдения всех людей поле борьбы психической жизни и психической смерти.

О чьих-то окончательной победе или окончательном поражении говорить (пока) не приходится. Возможно, все еще впереди. Ведь недаром в современных моделях научного обоснования есть слова о гармонии теории и цели.

Вот мы и подошли к возможности выбора вами собственной позиции в отношении психологии.

Чем она для вас будет, вы сами решите этот вопрос.

Для себя я определила позицию в начале этой главы. Если

вас она устраивает и вы готовы следовать ей, то можно продолжить чтение этого текста уже точно зная, что его автор выступает в роли преподавателя научной дисциплины, а вы выступаете... Продолжите это предложение так, как определите свою позицию.

Все, что было сказано выше, позволяет считать, что психология, как и любая область человеческого знания, может иметь свое лицо, может в той или иной форме принадлежать любому человеку. Он в полной мере имеет право сказать, что она – его собственность. Известно, что у нас можно отнять все, кроме наших знаний.

Глава 3

Что такое «жизненные задачи» и как их решают люди?

*– Скажу вам по секрету, что больше всего
хотелось бы влюбиться...*

*(Возраст женщины, признавшей в тайном желании
случайному собеседнику, значения не имеет)*

Ключевые понятия: жизненные задачи, свойства психической реальности, Я, свойства Я, Я – усилия, Другой, границы Я, диалогичность, психосоциальная идентичность, нормальное психическое развитие.

В результате изучения данной главы студенты должны:

- знать** возможности интерпретации фактов психической жизни человека в системе научных понятий;
- уметь** выделять содержание жизненных задач человека;
- владеть** научными понятиями для формулировки и интерпретации жизненных задач.

Очевидно, что психология как наука ориентируется на исследование существенных, закономерных, присущих всем (или большинству людей) свойств психической реальности.

Психология как научная дисциплина позволяет использовать уже найденные закономерности для объяснения и по-

нимания того, что в жизни конкретного человека может и должно быть понято с помощью найденных законов.

По-моему, первое, что нуждается в понимании, – это факт существования психической жизни как особой реальности, с которой человеку надо устанавливать особые отношения.

Комизм и драматизм этой ситуации состоит в том, что психическое принадлежит человеку, можно сказать, что это – его собственность.

Однако собственность обладает такими свойствами, что с необходимостью заставляет обращаться с собой осторожно и внимательно.

Какие это свойства психической реальности, которые требуют специального внимания самого носителя этих свойств, т. е. вас?

Опишу самое главное свойство, используя страницы из дневника Ирины В. – вашей современницы и сверстницы:

«Была у Г. В. Все еще слишком много играю. Хотя „слишком много“ – это не то выражение. Как избавиться от „играю“? Ведь я же чувствую любовь, и именно в сердце, к этим ребятишкам и их родителям. Так зачем же играть? Почему мы постоянно придумываем условности и учим друг друга? Когда я говорю о любви, становится неловко, когда молчу, люди думают, что что-то не так.

Поразил ребенок, встреченный на вокзале. Сколько внутреннего достоинства в малыше. Мальчик, ведущий свою жизнь. Трудную, но свою. Но ведущий...»

Еще несколько строчек, заполненных вопросами без ответов:

«Два дня пропадаю. Почему другие живут просто, а я все время борюсь за выживание? Я не могу погрузиться в жизнь, все время отрываюсь. Я не могу радоваться. Что значит прожить жизнь? Что значит – пройти светло и достойно. Пройти. Жить для себя нельзя. Не потому, что совестно. Просто невозможно. Я все время спрашиваю: зачем? И только одно дает силы двигаться – это нужно не мне...»

Что в этих отрывках? Говоря лирическим языком – живая душа живого человека, юного человека, стоящего перед вечными проблемами человеческой жизни.

Эти проблемы ещё задолго до появления на свет автора дневника мучили других людей и заставляли обсуждать вопрос: быть или не быть...

Однако объяснение заявленной задачи в рамках учебной дисциплины требует другого языка и другой интерпретации.

В приведенных отрывках из дневников можно увидеть важнейшее свойство психической реальности – ее искусственный характер.

Она создается во времени и пространстве жизни человека, и это создание требует усилий самого человека, усилий его «Я», чтобы психическое не исчезло, не превратилось в форму без содержания, чтобы оно существовало.

История жизни людей показывает, что человек может заиграться сам в себя до психической смерти – поиск психи-

ческого как качества своей жизни может превратиться в бесконечный и беспредметный.

На этом мы остановимся позже подробнее.

Пока же можно сказать, что во внутреннем мире человека есть особые свойства, которые можно было бы назвать устойчивыми и изменчивыми.

Устойчивое или устойчивые свойства позволяют Ирине зафиксировать существование в себе себя самой – определить наличие того пространства и времени, которое можно было бы назвать: «Это Я». «Я» позволяет выделить и другие свойства психической реальности, которые можно было бы назвать изменчивыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.